

А.А. Михайлов

НЕУЛОВИМАЯ ИСТИНА, ИЛИ ВОПРОСЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА НЕПОСРЕДСТВЕННОСТИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ В СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОМ КОНТЕКСТЕ

Рассматривается проблема сокращения пространства действия принципа непосредственности в уголовном процессе России. По мнению автора, одной из главных причин данной проблемы является разбалансирование системы принципов современного российского уголовного судопроизводства. По результатам анализа возникновения и особенностей развития принципа непосредственности в англо-американском и континентальном типах уголовного процесса, практике Европейского суда по правам человека, а также отечественном уголовном судопроизводстве автор приходит к выводу, что полноценная реализация принципа непосредственности в современном российском уголовном судопроизводстве возможна только при возвращении в последнее принципа всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств уголовного дела (материальной истины). При этом в целом построение уголовного процесса России с учетом лежащего в его основе следственного метода установления обстоятельств дела должно осуществляться в соответствии с формулой «сильный в собирании доказательств следователь, активный и беспристрастный в исследовании доказательств судья».

Ключевые слова: принцип непосредственности, устность, оглашение показаний, право на справедливое судебное разбирательство, материальная истина.

Истина по-прежнему оставалась неуловимой.
Тогда я решил провести очную ставку.

Ж.-М. Ламбер «Маленький судья»

Приведенная выше цитата из книги «Маленький судья» Ж.-М. Ламбера, являвшегося в 1980-х годах следственным судьей во французском департаменте Вогезы, прежде всего, подчеркивает важность проведения такого следственного действия, как очная ставка для установления действительных обстоятельств уголовного дела при наличии существенных противоречий в показаниях ранее допрошенных лиц. В эпизоде, в котором содержится указанная фраза, очная ставка между обвиняемым и показывающим против него свидетелем привела, как пишет Ж.-М. Ламбер, к неожиданному повороту, представившему дело в новом свете, и сохранилась в его памяти как один из наиболее сильных по своей драматичности моментов, которые стали вехами на этом этапе карьеры автора [1, с. 120]. Хотя в данном случае речь шла о предварительном следствии, а не о судебном разбирательстве, с которым традиционно связывается действие принципа непосредственности в уголовном судопроизводстве, обозначенная цитата также показывает исключительную значимость непосредственного восприятия лицом, устанавливающим обстоятельства уголовного дела, всех доказательств и их источников.

С учетом изменений, внесенных в ст. 281 УПК РФ Федеральным законом от 02.03.2016 г. № 40-ФЗ [2], значение очной ставки в уголовном процессе России существенно возрастает, поскольку она является наиболее предпочтительным способом предоставления обвиняемому в стадии предварительного расследования возможности оспорить показания свидетельствующих против него лиц, реализация которого позволит принять решение об оглашении

показаний при неявке данных лиц в суд в случаях, указанных в п. 2–5 ч. 2 ст. 281 УПК РФ. Об это свидетельствует современная практика Верховного Суда РФ. В частности, в его апелляционных определениях от 13.07.2016 г. № 67-АПУ16-14СП [3] и от 11.08.2016 г. № 70-АПУ16-2 [4]) отмечается, что предоставление обвиняемому возможности на очных ставках реализовать право задавать вопросы потерпевшему и свидетелю и оспорить их показания наряду с обязательным принятием судом достаточных и исчерпывающих мер к установлению места нахождения не явившихся потерпевшего и свидетеля подтверждает законность решения об оглашении показаний указанных лиц. Пленум Верховного Суда РФ в п. 4 Постановления от 29.11.2016 г. № 55 «О судебном приговоре» [5] по существу определяет предоставление обвиняемому возможности в ходе очной ставки с его участием задать вопросы потерпевшему или свидетелю, с чьими показаниями подсудимый не согласен, и высказать по ним возражения в качестве основного способа оспорить указанные показания.

В этой связи следует положительно оценить последние изменения в ст. 281 УПК РФ.

Оглашение показаний потерпевшего и свидетеля в соответствии с ч. 2 ст. 281 УПК РФ представляет собой исключение из принципа непосредственности. К числу других исключений из обозначенного принципа относятся случаи оглашения показаний подсудимого (ст. 276 УПК РФ), допроса анонимного свидетеля (ч. 5 ст. 278 УПК РФ).

При этом вопросы реализации принципа непосредственности в тех случаях, когда уголовное дело

рассматривается в отсутствие подсудимого в соответствии с ч.ч. 4 и 5 ст. 276 УПК РФ, не ограничиваются проблемой оглашения показаний подсудимого. Т.В. Трубникова пишет, что «заочное судебное разбирательство, которое, согласно закону, должно иметь состязательный характер, проводиться в условиях устности, непосредственного исследования доказательств, на практике фактически превращается в письменное производство, в котором лишь оглашаются (но не исследуются в условиях состязательности) материалы, подготовленные в ходе предварительного расследования» [6, с. 131]. Хотя, как отмечается исследователями данного вопроса, «заочное рассмотрение уголовных дел не столь частое явление» [7, с. 89], однако сама по себе тенденция упрощения обозначенного порядка рассмотрения уголовного дела не может не вызывать беспокойства с точки зрения обеспечения гарантий прав участников уголовного судопроизводства.

Показателем того, что принцип непосредственности в полной мере не реализуется при рассмотрении уголовных дел, является практика передачи следователями в суд вместе с материалами дела текста обвинительного заключения на электронном носителе (так называемая «проблема флешки») [8]. Копирование в приговоре содержания доказательств из обвинительного заключения ставит под сомнение беспристрастность судьи в ходе исследования доказательств и качество такого исследования. Кроме того, оно означает отражение в приговоре субъективного восприятия доказательств именно следователем, но не самим судьей, даже если последний признал законность и обоснованность обвинения. В попытке решить или хотя бы уменьшить размеры данной проблемы Пленум Верховного Суда РФ в п. 8 Постановления от 29.11.2016 г. № 55 «О судебном приговоре» указывает на недопустимость перенесения в приговор показаний допрошенных по уголовному делу лиц и содержания других доказательств из обвинительного заключения или обвинительного акта без учета результатов судебного разбирательства.

Однако в наибольшей степени ограничение непосредственности исследования доказательств имеет место в особых порядках судебного разбирательства, предусмотренных главами 40, 40.1, а также ст. 226.9 УПК РФ. В соответствии с ч. 5 ст. 316 УПК РФ при рассмотрении уголовного дела в особом порядке принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением судья не проводит в общем порядке исследование и оценку доказательств, собранных по уголовному делу. При этом могут быть исследованы обстоятельства, характеризующие личность подсудимого, и обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание. Статья 317.7 УПК РФ, регламентирующая вопросы проведения судебного заседания и постановления приговора в отношении подсудимого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, отсылает к ст. 316 УПК РФ, одновременно устанавливая

в ч. 4 особый предмет доказывания по делу. Согласно ст. 226.9 УПК РФ, устанавливающей особенности судебного производства по уголовному делу, дознание по которому производилось в сокращенной форме, приговор постановляется на основании исследования и оценки только тех доказательств, которые указаны в обвинительном постановлении, а также дополнительных данных о личности подсудимого, представленных в соответствии с ч. 3 указанной статьи УПК РФ.

При этом доля уголовных дел, по которым применяются особые порядки принятия судебного решения, с каждым годом продолжает увеличиваться. По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ из общего количества уголовных дел, рассмотренных судами первой инстанции с вынесением приговора или прекращением (928 122 дела), 67,6 % дел (627 661 дело) было рассмотрено в порядке глав 40 и 40.1 УПК РФ. За первое полугодие 2016 г. судами первой инстанции рассмотрено с вынесением приговора или прекращением 469 392 дела, из которых 68,8 % дел (322 764 дела) рассмотрено в порядке глав 40 и 40.1 УПК РФ.

Федеральный закон от 03.07.2016 г. № 323-ФЗ [9], в соответствии с которым в УПК РФ появились новое основание прекращения уголовного дела и уголовного преследования в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа (ст. 25.1 УПК РФ) и производство о назначении меры уголовно-правового характера при освобождении от уголовной ответственности (гл. 51.1 УПК РФ), еще более сократил пространство действия принципа непосредственности в уголовном процессе России. Во-первых, прекращение уголовного дела или уголовного преследования по ст. 25.1 УПК РФ возможно в ходе досудебного производства по уголовному делу (ст. 446.2 УПК РФ) и на предварительном слушании (п. 4.1 ч. 1 ст. 236 УПК РФ), на которых исследование доказательств не осуществляется. Более того, в досудебном производстве предметом рассмотрения в данном случае выступает не уголовное дело, а ходатайство следователя или дознавателя о прекращении уголовного дела или уголовного преследования. Во-вторых, исходя из ч. 1 ст. 446.3 УПК РФ, основания, предусмотренные ст. 25.1 УПК РФ, могут быть установлены в любой момент судебного производства и с их установлением деятельность суда по исследованию доказательств прекращается. Другими словами, обязательному установлению в данном случае будут подлежать лишь указанные основания прекращения уголовного дела или уголовного преследования.

Прекращение уголовного дела или уголовного судопроизводства по ст. 25.1 УПК РФ возможно как в случае, когда уголовное дело рассматривается в обычном порядке, так и в особых порядках, предусмотренных главами 40, 40.1 и ст. 226.9 УПК РФ, что подтверждает практика прекращения уголовных дел по обозначенному основанию, которая стала развиваться уже с июля 2016 г. Как и в случае с рас-

смотрением уголовных дел в особых порядках принятия судебного решения, можно спрогнозировать тенденцию увеличения количества уголовных дел, прекращенных по ст. 25.1 УПК РФ, учитывая, что вопросы прекращения уголовного дела или уголовного преследования с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа слабо регламентированы УПК РФ и предоставляют суду широкую свободу усмотрения, а большая часть преступлений, предусмотренных Уголовным кодексом РФ, относится к категориям небольшой и средней тяжести. По существу, гл. 51.1 УПК РФ содержит не полноценное уголовно-процессуальное производство, а квазипроизводство.

Поэтому можно также сделать вывод о том, что если в случае с изменениями в ст. 281 УПК РФ законодатель сделал шаг вперед в сторону укрепления принципа непосредственности, то в связи с введением порядка прекращения уголовного дела или уголовного преследования с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа, применительно к вопросу реализации непосредственности в уголовном судопроизводстве, сделаны два шага назад.

Таким образом, пространство действия принципа непосредственности в российском уголовном процессе в последние годы неуклонно сокращается, образно говоря, как «шагреновая кожа».

Ситуация усугубляется тем, что в теории уголовного процесса России в последние годы, как отмечает М.К. Свиридов, внимание к этому принципу ослаблено и он почти исчез из научных работ [10, с. 175]. За период действия УПК РФ 2001 г. на диссертационном уровне принцип непосредственности в уголовном процессе исследовал лишь А.Н. Склизов [11].

В то же время принцип непосредственности до настоящего времени продолжает оставаться предметом серьезных правовых исследований в Западной Европе, о чем, в частности, свидетельствует факт посвящения ему целого ряда научных статей европейских процессуалистов в майском номере (Volum 126. Issue 1) за 2014 г. авторитетного журнала «Zeitschrift für die gesamte Strafrechtswissenschaft» (дословно с нем. – «Журнал для всей науки уголовного права») немецкого научного издательства «De Gruyter».

Поэтому для того чтобы понять причины данной проблемы в современном российском уголовном процессе и определить пути ее решения, как представляется, необходимо провести анализ возникновения и особенностей развития принципа непосредственности в англо-американском и континентальном типах уголовного процесса, практике Европейского суда по правам человека, а также отечественном уголовном судопроизводстве.

Видный современный английский процессуалист и компаративист Р. Воглер, исследуя вопросы возникновения принципа непосредственности в англо-американском и континентальном уголовном про-

цессе, отмечает различия в методах принятия судебных решений (decision-making) в указанных типах процесса. Если английский уголовный процесс отличается синхронность, следствием которой является настоящее и полное господство концентрированного устного судебного разбирательства, то в континентальном уголовном процессе имеет место диахронность или кумулятивный метод принятия решений [12, р. 239].

Системообразующим элементом для английского (и в целом англо-американского) уголовного процесса исторически стал институт суда присяжных. В первые века формирования суда присяжных в английском уголовном процессе присяжные, пишет Р. Воглер, были, как правило, неграмотными и в рамках своих повседневных занятий могли выделить мало времени для участия в вынесении решений по уголовным делам. В результате судебное разбирательство должно было быть быстрым, полностью устным и охватывающим всю совокупность доказательств и принятие решения в течение как можно короткого периода времени. В этих условиях письменные доказательства не имели смысла, расширенный повторный анализ доказательств был невозможен и апелляция, по крайней мере до 1907 г., в Англии не была необходимостью. Никакие процессуальные действия не имели значения, за исключением тех, которые были совершены непосредственно в зале суда перед присяжными в ходе открытого судебного разбирательства. Поэтому, делает вывод Р. Воглер, нет ничего удивительного в том, что в возникновении специального «принципа непосредственности» в синхронной традиции не было процессуальной необходимости, вместо этого в Англии предметом заботы было гарантирование целостности судебного разбирательства с помощью таких мер, как правила «best evidence» («лучшее доказательство») и «hearsay» («с чужих слов») [12, р. 239–240]. Более того, по его словам, ««принцип непосредственности» сам по себе очень мало значит для английских и американских юристов. Это понятие не известно нашему праву, потому что непосредственность определяется через весь синхронный доказательственный процесс и досудебные материалы, подготовленные сторонами обвинения и защиты, не имеют какого бы то ни было статуса доказательств» [12, р. 240].

Следует указать, что в силу специфики правовой системы Великобритании в ней вообще отсутствует нормативное закрепление принципов уголовного процесса. При этом признается, что «ключевой особенностью уголовного правосудия в Англии и Уэльсе является состязательный принцип, который определяет, как должна быть установлена вина в совершении преступления» [13, р. 12]. М. Зандер по этому поводу пишет: «Метод судебного разбирательства в системе общего права часто определяется как «состязательный» или «обвинительный» – в отличие от континентального «инквизиционного» метода. Сущность различия состоит в том, что в то время

как в инквизиционной системе доминирующую роль играет суд, в состязательной системе ее играют стороны» [14, р. 379].

В качестве принципа судебного разбирательства в литературе, посвященной характеристике английской правовой системы, обозначается также устность. М. Зандер так характеризует принцип устности: «Одной из фундаментальных особенностей английского судебного разбирательства является устный допрос свидетелей в суде. Принцип устности всегда был в центре английского судебного разбирательства, отчасти из-за доминирующей роли, которую на протяжении столетий играло жюри присяжных, хотя... его значение постепенно несколько размывается, особенно в гражданских делах» [14, р. 415].

Как не без гордости отмечает Р. Воглер, концентрация английской процедуры в одной, в значительной степени неподготовленной и неотретированной стадии имела судьбоносные последствия для развития уголовного правосудия во всем мире и принесла существенные плоды, наиболее важным из которых является то, что весь процесс доказывания находится под прямым контролем со стороны общества и прессы [12, р. 239].

Открытость судебного разбирательства наряду с состязательностью и устностью стала определяющей в характеристике концепции судебного разбирательства в системе общего права. В результате одним из важнейших начал судебной процедуры в правовых системах семьи общего права является принцип открытого правосудия (*principle of open justice*). В XIX в. И. Бентам был одним из первых, кто сформулировал теоретическую основу указанного принципа [15, р. 46]. В настоящее время суть принципа открытого правосудия наиболее часто выражается через афоризм Лорда – главного судьи Хьюарта, содержащийся в деле *R v Sussex Justices; Ex parte Macarthy* (1924 г.): «Не просто имеет некоторую важность, но фундаментальную важность то, что правосудие не только должно отправляться, но должно быть ясно и несомненно видно, что оно отправляется» [16, р. 147; 17, р. 483].

Входящая в Билль о правах (1791 г.) Шестая поправка к Конституции США предусматривает право обвиняемого на скорый и публичный суд беспристрастных присяжных. Согласно этой же поправке к Конституции США, обвиняемый имеет право на очную ставку в суде со свидетелями, показывающими против него (*right of confrontation, confrontation clause*). В основе *confrontation clause* лежит идея о том, что всегда более трудно говорить неправду о людях им в лицо, чем за их спиной [18, р. 272]. В целом, указанные в Шестой поправке к Конституции США права образуют фундамент американской концепции права на справедливое судебное разбирательство. Д. Боггс, исследуя указанное право обвиняемого, обнаружил наиболее раннее упоминание термина «справедливое судебное разбирательство» в судебном решении по делу *Respublica v De Long-*

champs (1784 г., штат Пенсильвания). В большинстве случаев, указывает данный автор, понятие «справедливое судебное разбирательство» использовалось в изученных им источниках как синоним предусмотренного Конституцией США судебного разбирательства с участием присяжных [19, р. 3].

Р. Воглер пишет, что непосредственность в английском процессе гарантируется правилом о недопустимости доказательств «с чужих слов» (*Hearsay*), которое располагается в сердце состязательного метода, является центральной особенностью английского права уголовных доказательств, по крайней мере, с семнадцатого столетия, и, согласно К. Тапперу, заключается в том, что «заявление, кроме как сделанное лицом, дающим устные показания в судебном разбирательстве, является недопустимым доказательством любого утверждаемого факта» [12, р. 241].

Особенности доктринального понимания доказательств *Hearsay* в Великобритании и США подчеркиваются в определении, даваемом Н.В. Галяшиным: «Под производными доказательствами «*Hearsay*» в доктрине права Соединенного Королевства понимаются сведения, полученные с «чужих слов» и вне допроса свидетеля (потерпевшего, обвиняемого) в судебном заседании. В доктрине права США – это любые показания свидетеля (потерпевшего), которые получены вне очной ставки и которые не были или не могут быть подвергнуты процедуре проверки в ходе перекрестного допроса» [20, с. 192].

Основные правила *Hearsay*, изначально выработанные в практике английских судов, в настоящее время систематизированы в законодательстве Великобритании в главе 2 части 11 Закона об уголовной юстиции 2003 г. (*Criminal Justice Act 2003*), а в США – в статье 8 Федеральных правил о доказательствах США 1975 г. Указанная систематизация была направлена на минимизацию присущих данному институту недостатков, в том числе в связи с множеством исключений из него, выработанных в судебной практике. Обобщая критику правила *Hearsay*, Дж. Спенсер отмечает в числе претензий к нему иррациональность правила *Hearsay*, отсутствие базового принципа по отношению к традиционным исключениям, чрезмерное усложнение, исключение убедительных доказательств, приведение в замешательство свидетелей, произвольность, отсутствие различного подхода, несовместимость с Европейской конвенцией по правам человека [21, р. 14–19]. Р. Воглер иллюстрирует худшие недостатки правила *Hearsay* двумя примерами, в первом из которых в результате исключения доказательства имело место возможное осуждение невиновного (дело *R v Sparks*, 1964 г.), а во втором – потенциальное оправдание виновного (дело *R v Kearley*, 1992 г.) [12, р. 242].

С учетом канадского и австралийского подхода к решению вопросов исключения доказательств *Hearsay* в секциях (статьях) 114–136 Закона Соединенного Королевства об уголовной юстиции 2003 г. закреплено широкое право суда допускать доказатель-

ства Hearsay, когда это «служит интересам правосудия» [12, р. 243]. Н.В. Галяшин на основе анализа судебной практики Соединенного Королевства и США и законодательных инициатив отмечает тенденцию на дальнейшую либерализацию законодательства, регулирующего правило Hearsay [20, с. 72–73], другими словами, на смягчение данного правила в части запрета на использование обо-значенных доказательств.

Таким образом, непосредственность является неотъемлемым элементом англо-американской концепции судебного разбирательства, но не выступает здесь отдельным, четко сформулированным принципом, будучи «растворенной» в судебной процедуре, характеризующейся состязательностью, устностью, открытостью и спецификой применяемых правил доказывания.

В континентальном уголовном процессе принцип непосредственности возник в совершенно других условиях. Для понимания причин его рождения в процессуальной материи необходимо обратиться к истории формирования и развития самого инквизиционного процесса в средневековой Европе, юридико-технические особенности которого во многом стали следствием тесного переплетения таких факторов, как влияние канонического права, рецепция римского права и возрождение юридической науки.

Как писал А. Эмен, каноническое право первоначально признавало только обвинительную систему при рассмотрении уголовных дел, находящуюся под одновременным влиянием римского права и германских обычаев [22, р. 79]. Однако с 800-х годов в каноническом праве начался переход от *accusatio* к *inquisitio*, который завершился созданием Папой Римским Иннокентием III в 1200-х годах Святой инквизиции для борьбы с ересью.

Характеризуя различие процедур *accusatio* и *inquisitio*, О.И. Тогоева отмечает, что первая «представляла собой Божий суд, подразумевавший, что истина открыта лишь Господу, Высшему судии, единственному, кто может вынести решение»; в таком процессе судьи могли быть лишь пассивными наблюдателями, и их роль заключалась «в правильной *интерпретации* увиденного» [23, с. 183]. В то же время в процедуре *inquisitio* «у судей появлялись куда более обширные права. Из пассивных свидетелей уголовного процесса они превращались в его активных – если не самых активных – участников. Отныне «правду» о преступлении следовало искать именно им – а потому само понятие «правды» постепенно меняло свое содержание, его высокое значение снижалось. Истина, открытая лишь Господу, превращалась в *информацию о преступлении*, доступную людям и ими же собираемую» [23, с. 184].

В целом в XI – XII веках в Западной Европе происходят серьезные изменения в религиозной, экономической, социально-политической и культурной жизни общества. В результате Папской революции (1075–1122 гг.) Папа Римский становится главой западной церкви [24, с. 62] и вступает в борьбу за вер-

ховенство с императорами Священной Римской империи германской нации. Параллельно идут процессы образования национальных государств. Расширение торговли и возрастание популярности ярмарок способствуют росту городов и возникновению новой городской цивилизации, что, в свою очередь, стимулирует экономическое и культурное возрождение [25, р. 236]. Основываются и развиваются университеты, число которых к 1500 г. в Западной Европе достигает 70 [26, с. 127]. В указанных условиях возрастает интерес к праву, прежде всего, римскому, которое наряду с каноническим правом в числе основных предметов начинает изучаться в университетах. Римское право являлось источником универсальных правовых норм, вытеснявших обычное право, которое сильно мешало развитию экономики, в том числе торговли. Именно в римском праве сторонники и папства и светских властей находили аргументы для обоснования своего верховенства. Опять же, изучавшие в университетах римское право юристы рекрутировались судами для осуществления правосудия.

Синтез римского и канонического права привел к возникновению европейского общего права (*ius commune*), которое распространилось в континентальной Европе в течение XIII – XV веков.

После формального запрета в 1215 г. на Четвертом Латеранском соборе проведения судебного разбирательства посредством ордалий светские власти столкнулись с необходимостью развивать новые формы уголовного судопроизводства. Так, французская монархия вынуждена была делать фундаментальный выбор между двумя альтернативными методами установления фактических обстоятельств дела. Первым являлось групповое расследование, которое было развито во Франкской империи и все еще широко использовалось в судах Нормандии. Данный метод заключался в том, что королевские или герцогские чиновники принуждали отобранные группы местных жителей отвечать под присягой на вопросы, касающиеся налоговых и других дел. Известный в Англии еще англосаксонских времен он стал использоваться там королевской властью на регулярной основе после нормандского завоевания (1066 г.) и, в конце концов, трансформировался в суд присяжных системы общего права. Другим методом установления фактических обстоятельств дела было римско-каноническое доказательственное право, изначально применявшееся в церковных судах, в соответствии с которым отдельные свидетели допрашивались профессиональными судьями, устанавливавшими на основании полученных показаний факты [27, р. 24]. При этом процесс, развиваемый канонистами, примерно в XII в. начал фокусироваться на использовании письменной процедуры, поскольку письменность преимущественно была областью компетенции духовенства [28, р. 103].

В 1258 г. французский король Людовик IX своим ордонансом ввел римско-каноническую модель процесса в королевских судах. Данное решение во

многим было обусловлено тем, что королевские чиновники не могли заставить группы местных жителей отвечать на вопросы под присягой на обширных территориях страны, контролируемых в XIII в. могущественными местными правителями [27, р. 24]. В качестве высшей судебной инстанции в 1260 г. путем выделения из королевской курии (*Curia regis*) был создан Парижский парламент (*le Parlement*), совмещавший в себе суд первой инстанции для «королевских случаев» (*cas royaux*) и апелляционный суд для всех подданных королевства [29, с. 117–118]. Через два с половиной столетия королевские суды и французский король стали единым источником права, вытеснившим феодальных и местных судей, которые частично использовали обычное право [28, р. 104].

Сочетание активности судьи с письменным характером процесса заложило фундамент следственного метода установления фактических обстоятельств дела. Судьи, в качестве которых в церковных судах выступали священники, а в светских судах – закончившие университет юристы, обосновывали свои выводы с помощью полного фактических деталей письменного дела (досье).

Заметно возросшая роль судьи в уголовном процессе также повлекла за собой развитие подхода, в соответствии с которым совершение преступления стало делом государства и обвиняемого. Как пишет Дж. Блюменталь, то ли из-за возможного применения к осужденному конфискации, то ли из-за проводимого церковью разграничения между светскими «грехами», то есть преступлениями, над которыми последняя не имела юрисдикции, и религиозными грехами, на которые юрисдикция церкви распространялась, – уголовное право и процессуальное право стали областями, в рамках которых монархи защищали свои власти и юрисдикцию [28, р. 104].

При этом если во Франции, где нормы обычного права были кодифицированы, как метафорично подмечает П. Штейн, «рецепция римского права в практику судов происходила как плавно текущий ручей», то в Германии «она стала сильным наводнением» [30, р. 86].

Средневековые суды обычного права в Германии состояли из шеффенов, групп местных уважаемых мирян, чья правовая работа была лишь частью их повседневной деятельности и которые передавали свои знания обычаев из уст в уста. Процедура рассмотрения дел в таких судах была неофициальной и устной, доказательства основывались на древнем методе компургации (присяге). В своих решениях они обычно излагали факты и делали выводы без объяснения, как они к ним пришли [30, р. 89].

Но не позднее, чем к концу XV столетия данная система серьезно изменилась. С XIII в. жители Германии изучали право в университетах Италии и Франции, а с XIV в. университеты стали основываться в немецкоговорящих землях и городах, в том числе в Вене (1348 г.), Гейдельберге (1386 г.), Кельне (1388 г.). Пока суды шеффенов придерживались

традиционного устного судопроизводства, влияние римского права на практику было незначительным. Однако в последние десятилетия XV в. некоторые суды шеффенов, в частности во Франкфурте-на-Майне, допустили использование римско-канонической процедуры, с письменными заявлениями, подготовленными обученными адвокатами. Данные перемены произошли без внесения изменений в законодательство, а инициатива исходила от тяжущихся сторон и их юридических консультантов. Они нашли, что традиционный порядок рассмотрения дела не подходил для них, и единственной доступной альтернативой была процедура, применявшаяся в церковных судах [30, р. 89].

П. Штейн отмечает, что процедурные изменения не обязательно требовали замещения римским правом обычного права. Ведь во Франции письменная процедура долгое время использовалась судами, применявшими обычное право, без значительного изменения содержания, поскольку судьи и адвокаты, как правило, были обученными юристами. В то же время в Германии, где обычаи не были кодифицированы, необученные шеффены находили трудным справляться со сложными правовыми аргументами, поддерживаемыми цитатами из римского права, которые адвокаты сторон начали включать в письменные объяснения, с помощью которых они оказывали воздействие на суд [30, р. 90]. В связи с этим шеффены стали обращаться за помощью к городским адвокатам, юридически подготовленным чиновникам или к профессорам на факультет права университета за консультацией по местному и римскому праву.

Так возник немецкий институт *Aktenversendung* – практика направления сложных дел из судов на факультеты права для запрашивания консультации (заклечения). Письменный протокол всего дела направлялся на факультет права с просьбой выражения его коллективного мнения, которому суд затем считал своей обязанностью следовать. Помимо того, что профессора имели большие знания в праве, также считалось, что они будут рассматривать дело полностью беспристрастно. По словам П. Штейна, в беспокойные времена XVI и XVII веков судьи местных судов были рады частично избежать ответственности за непопулярные решения [30, р. 90]. Указанная практика получила официальное признание в Уголовно-судебном уложении императора Карла V (лат. *Constitutio Criminalis Carolina*) 1532 г., ст. 219 которого обязывала судей, которые не знали или не имели опыта применения имперского закона, обратиться за советом в «ближайший университет, город или другой источник правовых знаний» [30, р. 90]. К концу XVI в. практика *Aktenversendung* стала обычной и сохранялась до XIX в.

В 1495 г. законом императора Максимилиана I был создан Имперский камеральный суд (*Reichskammergericht*), в котором стала применяться римско-каноническая процедура. В основном данный суд выступал в качестве апелляционной инстанции

по отношению к региональным и местным судам. Модели Имперского камерального суда последовали и территориальные апелляционные суды, созданные местными князьями в Австрии, Саксонии, Баварии, Бранденбурге и других немецких государствах [25, p. 267].

Необходимо отметить, что развитие апелляционного пересмотра судебных решений в континентальной Европе наряду со следственным порядком стало одной из главных причин широкого распространения письменного начала в инквизиционном процессе, поскольку, как писал И.Я. Фойницкий: «Суд высший, проверявший решение низшего суда, вследствие отдаленности сторон и свидетелей не мог повторить устного допроса их и вынужден был ограничиваться записями их показаний, сделанными низшим судом» [31, с. 94]. При этом можно увидеть, что особенности образования национальных государств стали существенным фактором, повлиявшим на специфику судоустройства и судопроизводства в Англии и государствах континентальной Европы. В Англии после нормандского завоевания (1066 г.) возникла сильная монархическая власть, которая для своего дальнейшего укрепления содействовала развитию, начиная с XII в., судов общего права, рассматривавших дела с участием присяжных и составлявших основу королевской юстиции. В то же время в континентальной Европе средневековые монархи (короли, императоры) в условиях феодальной раздробленности и функционирования на подвластных (нередко лишь формально) территориях разнородных правовых систем (например, во Франции на юге господствовало писаное римское право, а на севере – обычное право) вынуждены были делать большую ставку на создание апелляционных судов, которые способствовали централизации власти и унификации правового пространства.

Вынесение апелляционным судом решения, равно как и предоставление профессорами факультета права (городскими адвокатами или юридически подготовленными чиновниками) консультации (заключения), было возможно только при условии «документирования в письменной форме хода судебного разбирательства в деталях» [32, p. 94]. В результате в Германии и частично во Франции предпринимались попытки обязать следователей помимо протоколов о содержании показаний вести протоколы о поведении показывающего (свидетеля, обвиняемого), с описанием его выражения лица, телодвижений и т.д. В Германии такие протоколы носили название *Geberdenprotokolle* [31, с. 94; 33, с. 37].

В конечном итоге письменность в инквизиционном процессе стала носить всеохватывающий характер. Как писал Ю. Глазер: «Чрезмерное накопление письменного материала затрудняло обозрение его и привело к двойной передаче его: необходимо было пользоваться извлечением, докладом на основании актов» [34, с. 201]. Это означало, что для разрешения дела по существу из актов следственного производства стали делать краткое извлечение – доклад,

который служил единственным основанием судебного решения. Таким образом, точно подмечает Д.Г. Тальберг, «решение судьи в каждом конкретном случае получало двойную, субъективную окраску: в следственном производстве и в докладе, извлеченном из актов этого производства» [33, с. 38].

Неудивительно, что в таких условиях в структуре уголовного процесса главенствующую роль приобрела стадия расследования, на которой осуществлялись все основные следственные действия, а роль суда в судебном разбирательстве сводилась к принятию решения на основе письменных материалов дела или даже извлечения из них.

Однако помимо письменного характера средневекового инквизиционного процесса для понимания причин возникновения принципа непосредственности в континентальном уголовном процессе необходимо рассмотреть и другие черты, присущие инквизиционной процедуре.

Усиление роли судьи и изменение характера истины в континентальном уголовном процессе XIII – XIV веков поставило на повестку дня проблему их ответственности за «неправильные» решения. В условиях господства в Средневековье религиозно-догматического типа мышления судьи боялись, что в случае привлечения к ответственности невиновного грех ляжет на их душу либо они подвергнутся мести или проклятию. В этой связи для защиты судей в процесс вводятся и получают развитие более формальные правила доказывания (к примеру, придание определенного веса показаниям различных свидетелей, запрет осуждения в отсутствие двух очевидцев или признания), имеющие каноническое происхождение. Соответственно закладываются основы теории формальных доказательств.

По мере того как правила доказывания, являвшиеся одновременно гарантиями защиты обвиняемых, становились все более сложными, все меньше подсудимых подходило для осуждения [28, p. 105]. Однако поскольку в инквизиционном процессе, сущность которого теперь можно было определить через возникшую к середине XIV в. во французской уголовной практике формулу «дабы узнать правду (*pour/ afin de savoir la verite*)», судьям рекомендовалось узнавать правду всеми возможными путями и способами [23, с. 184], в уголовном судопроизводстве различных государств Европы с XIII в. получила распространение и вплоть до середины XVIII в. последовательно использовалась пытка.

Этому способствовало изменение взглядов на обвиняемых и свидетелей, что характеризуется О.И. Тогоевой следующим образом: «Потенциальные преступники и свидетели по их делам, вероятно, воспринимались в условиях уголовной инквизиционной процедуры как *носители* «правды», т.е. как некие *объекты*, которые должны были находиться во власти судей, быть подвергнуты «изучению», дабы «правдоподобные» подозрения последних превратились в конце концов в «правду», которую они ищут» [23, с. 189–190].

С учетом отмеченных выше черт инквизиционного процесса проявилась последняя его существенная особенность — тайность. Дж. Блюменталь по этому поводу замечает: «В связи с тем, что судья больше не являлся беспристрастным, но прямо представлял государство против отдельного обвиняемого, и в связи с резким ростом использования письменных протоколов как обвинительных доказательств, новая власть судей легко привела к возникновению тайных процедур, которые способствовали использованию необоснованных показаний “с чужих слов” и косвенных сведений в качестве “доказательств” для осуждения или разрешения применять пытку в целях получения признания» [28, р. 106]. В Большом уголовном ордонансе Людовика XIV 1670 г. (Титул VI, ст. 1) указывалось, что свидетели должны быть заслушаны тайно и по отдельности [35, р. 40].

Таким образом, особенностями инквизиционного процесса, сформировавшегося в Средние века в государствах континентальной Европы, стали активная роль судьи в процессе, приведшая в отсутствие эффективных сдержек к фактическому слиянию функций уголовного преследования, защиты и разрешения уголовного дела, письменный характер, применение теории формальных доказательств и пытки в доказывании, тайность.

Серьезные изменения инквизиционного процесса связаны с Великой французской революцией 1789 г. Идеологическую почву для этого подготовили философы эпохи Просвещения, в том числе Ш. Монтескье, Ф. Вольтер, Ж.-Ж. Руссо, Ч. Беккариа, критиковавшие римско-каноническую процедуру за авторитаризм, тайность и, особенно, за применение пытки и одновременно призывавшие к введению в континентальной Европе суда присяжных [27, р. 27]. В результате, как пишет Дж. Лангбейн, «Франция ввела институт суда присяжных по уголовным делам по образцу английского жюри присяжных в течение первых месяцев Революции и затем постоянно пересматривала его на протяжении нескольких десятилетий» [36, р. 13]. При этом следствием Великой французской революции стало не только падение Старого порядка (*Ancien Regime*) во Франции, но и коренной перелом в борьбе рационализма с религиозным догматизмом на всем общеевропейском пространстве.

Поэтому инквизиционный процесс просто не мог продолжать существовать в прежних формах. В связи со сменой мировоззренческой парадигмы одним из ключевых изменений, произошедших во французском уголовном процессе конца XVIII в., стала замена теории формальных доказательств теорией свободной оценки доказательств. Критерием оценки доказательств стало внутреннее убеждение (*conviction intime*) судьи.

Существенную трансформацию претерпел следственный метод установления фактических обстоятельств уголовного дела. В соответствии с Кодексом уголовного следствия 1808 г. предварительное рас-

следование, осуществляемое следственным судьей, оставалось письменным и тайным, а судебное разбирательство приобрело состязательный характер при сохранении активной роли судьи, рассматривающего дело по существу.

Указанные изменения, а также политико-идеологическая атмосфера того времени, наполненная восторженным отношением европейской общественности к английскому судопроизводству, обусловили построение судебного разбирательства во французском уголовном процессе на принципах устности и открытости. Дж. Лангбейн относительно введения в континентальном уголовном процессе устности пишет: «Пожалуй, ни один атрибут английского уголовного суда присяжных восемнадцатого столетия не произвел такого огромного впечатления на европейских наблюдателей, как устность судебного разбирательства. Теоретики впоследствии выделили много причин и преимуществ устности. Устность сохраняла так называемое «доказательство поведением», которое по общему мнению повышает правильность оценки судьей правдивости свидетелей. Европейцы видели в устности гарантию против политического подчинения и предвзятости профессиональных чиновников судебной власти. И устность была одним из способов обеспечения того, что обвиняемый будет иметь полную информацию о выдвинутых против него обвинениях и личности своих обвинителей» [36, р. 32].

Требование о том, что судебное разбирательство должно проводиться устно, было закреплено в ст. 317 французского Кодекса уголовного следствия 1808 г. В середине XIX в. Ф. Эли уже писал, что принцип, в соответствии с которым доказательства должны исследоваться устно и перед лицом, принимающим решение, являлся фундаментальным принципом французского уголовного права. Кроме того, он указывал, что только устное разбирательство может считаться совместимым с принципом «*conviction intime*», который требует, чтобы лицо, принимающее решение, несло личную ответственность за определение правильности обвинения [35, р. 50]. Наряду с устностью в процессуальном законодательстве Франции конца XVIII — начала XIX в. (например, в законе от 8–9 октября 1789 г., ст. 153 Кодекса уголовного следствия 1808 г.) был закреплен принцип открытости судебного разбирательства.

В открытой и устной процедуре французского судебного разбирательства, основанной на Кодексе уголовного следствия 1808 г. и французской теории уголовного процесса того периода, как видно, уже содержались элементы того, что сегодня составляет содержание принципа непосредственности в континентальном уголовном процессе, однако они были частью носящего более общий характер принципа устности. Во многом это было обусловлено тем влиянием, которое имела на реформирование уголовного процесса во Франции английская концепция судебного разбирательства.

Французские реформы оказали значительное воздействие на преобразование уголовного процесса в других европейских юрисдикциях, в том числе в немецких государствах. В Германии на законодательном уровне прорыв для устности и открытости судебного разбирательства наступил с принятием прусского Указа 1846 г., в §15 которого устанавливалось, что вынесению судебного решения должно предшествовать проведение устного судебного разбирательства перед судом, разрешающим дело по существу, в ходе которого должны быть заслушаны прокурор и обвиняемый, представление доказательств и защита обвиняемого должны производиться устно [32, р. 94]. Как и во Франции, в Германии в ходе реформ середины XIX в. в силу политических причин акцент первоначально делался на открытости и устности судебного разбирательства. Ю. Глазер данное обстоятельство характеризует следующим образом: «Внимание было обращено более на внушительное впечатление, доставляемое оживленными прениями, в которых друг друга сменяют обвинение и защитительная речь, чем на облегчение задачи судьи посредством непосредственного допроса обвиняемого и лиц, дающих показания, тем самым лицом, которое призвано к постановлению приговора; такой допрос делается еще более плодотворным вследствие участия сторон. Таким образом, *устность* ставилась выше *непосредственности*» [34, с. 199].

К середине XIX в. эстафету в развитии принципа непосредственности у Франции приняла Германия. Значительный вклад в разработку данного принципа внесли немецкие теоретики-правоведы П. Фейербах, К. Миттермайер, Г. Цахариз, являвшиеся по существу отцами-основателями принципа непосредственности в континентальной уголовно-процессуальной традиции.

Р. Воглер, анализируя возникновение принципа непосредственности в континентальном уголовном процессе, отмечает, что эпистемологическая линия разлома, разделяющая континентальный уголовный процесс на две половины (досудебное производство и судебное разбирательство), символизируется существованием содержащего официальные сведения письменного дела, функционально не важного для «справедливого и открытого» судебного разбирательства. В глазах англичан принцип непосредственности возник в континентальной Европе как попытка возвести мост через эту пропасть [12, р. 240].

В данном случае Р. Воглер правильно подчеркивает «скелетообразующее» значение уголовного дела (*dossier*) в континентальном уголовном процессе, однако главная задача, которую нужно было решить отцам-основателям принципа непосредственности, как представляется, была несколько иной. Ответ можно найти в трудах К. Миттермайера и Ю. Глазера. Как писал К. Миттермайер: «Сущность начала устности (непосредственного производства дела пред судом) заключается в том, что все производство, возникающее по обвинению, собрание и рас-

смотрение различных доказательств, могущих иметь влияние на решение, предложения и речи обвинителя и защитника должны происходить *пред теми судьями*, которые решают дело, — дабы они лично узнали не только то, что показывали лица, вызванные в суд, но и те средства, которые были употреблены для получения этих показаний, а равно способ представления их, а также могли сами принять необходимые меры для составления убеждения, основанного на полнейшем исследовании истины» [37, с. 247–248]. Согласно Ю. Глазеру, «новый процесс возвратил судье, постановляющему приговор, первенствующее положение, которое прежде занимал судья, производивший следствие, и восстановил устность и непосредственность, которые в самых широких размерах применялись и применяются у судьи-следователя, — в суде, рассматривающем дело по существу. Отсюда явилось требование, чтобы судья, призванный к решению вопроса о вине подсудимого, сам заслушивал те *показания*, из которых он должен почерпнуть материал для составления себе понятия о положении дела, сам видел документы и иные предметы, служащие доказательствами, чтобы предшествующие записи не составляли основания приговора, но служили бы только поводом для *непосредственного* предъявления доказательств» [34, с. 201].

Таким образом, принцип непосредственности, разработанный в немецкой теории уголовного процесса XIX в., стал если не основным, то одним из главных механизмов, позволивших окончательно перенести центр тяжести процесса доказывания, включавшего как собирание доказательств следственным судьей, так и исследование доказательств судьями, рассматривавшими дело по существу, из досудебного производства в стадию судебного разбирательства.

В результате произошло разделение принципов устности и непосредственности. М. Бохландер в системе принципов современного уголовного процесса Германии выделяет принцип устного представления доказательств (*Mündlichkeitsprinzip*), вытекающий, в частности, из § 250, 261, 264 УПК ФРГ, и принцип представления доказательств перед судьями, разрешающими дело по существу (*Unmittelbarkeitsprinzip*), выводимый из § 240, 250, 261 УПК ФРГ и требующий, чтобы все доказательства были представлены непосредственно судьям, которые будут разрешать дело по существу [38, р. 27].

При этом немецкая теория уголовного процесса не остановилась только на разграничении устности и непосредственности. В дальнейшем устность была подразделена на формальную и материальную [32, р. 93]. В настоящее время в уголовном процессе Германии выделяется формальная и материальная непосредственность. У. Хелльманн пишет, что как формальная непосредственность обозначается принцип, гарантирующий, что решения могут опираться исключительно на восприятие суда на основном судебном разбирательстве, тогда как матери-

альная непосредственность означает, что в исследовании доказательств, как правило, нельзя ограничиваться суррогатами доказательств, а необходимо привлекать доказательства, непосредственно затрагивающие подлежащий доказыванию факт [39, с. 69]. Разделение формальной и материальной непосредственности имеет место в теории уголовного процесса и других стран, чей процесс относится к континентальному типу, например Нидерландов [40, р. 249].

Как отмечал Ю. Глазер: «Недостаточно, однако, чтобы каждое доказательство в своей первоначальной чистоте доходило до сведения лица, решающего дело, но необходимо еще, чтобы и стороны ознакомились с каждым доказательством в том виде его, в котором оно представляется вниманию судьи. Стороны должны иметь возможность способствовать, непосредственно участвуя в разборе и оценке доказательств, составлению на основании их справедливого заключения, и разъяснять обстоятельства или опровергать неверные заключения доставлением на рассмотрение суда таких новых доказательств, какие они признают в данное время полезными» [34, с. 201–202]. Соответственно судебное разбирательство должно было охватывать все, что может оказать воздействие на восприятие судьи, рассматривающего дело по существу.

В судебном разбирательстве, построенном на принципе непосредственности, должна была быть сохранена активная роль суда в исследовании доказательств, в том числе для того, чтобы поддерживать преобладание такого исследования над расследованием дела, проводимым следственным судьей в досудебном производстве. Эта функция выполняется действующим в немецком уголовном процессе инквизиционным принципом (*Ermittlungsgrundsatz*), который в теории также именуется инструктивным принципом [39, с. 69], принципом расследования или материальной истины [41, с. 36–37]. Данный принцип, закрепленный, в частности, в § 155 (2) и 244 (2) УПК ФРГ, представляет собой, как пишет М. Бохландер, «правило, в соответствии с которым целью любого расследования и судебного разбирательства является установление материальной истины (*materielle Wahrheit*), а не истины, основанной на фактах, приведенных обвинением и защитой. Суд не связан какими-либо заявлениями сторон и исследует обстоятельства дела по своей инициативе» [38, р. 26].

В действующем УПК Франции принцип непосредственности можно вывести из ч. 2 ст. 427, которая устанавливает, что судья может основывать свое решение только на доказательствах, которые были представлены в ходе судебного заседания и состязательно были обсуждены перед ним. В ст. 310 УПК Франции применительно к роли судьи в судебном разбирательстве закреплено, что председатель наделен дискреционными полномочиями, в силу которых он может по чести и совести принимать любые меры, которые он сочтет полезными для установле-

ния истины [42]. Соответственно, как пишет Ж. Ходжсон: «Французский судья в судебном разбирательстве менее пассивен, чем его английский/валлийский коллега: его работа не просто вынести решение на основании доказательств, представленных сторонами, но активно искать истину» [43, р. 72]. В классическом французском учебнике уголовного процесса Ж. Праделя, как также отмечает Л.В. Головкин, «принцип поиска истины» (*principe de la recherche de la vérité*) назван одним из ключевых уголовно-процессуальных принципов [44, с. 75].

Таким образом, в континентальном уголовном процессе, в основе которого лежит следственный метод установления обстоятельств дела, принцип непосредственности обеспечивает процессуальный режим доказывания, в котором центральным элементом является исследование доказательств в судебном разбирательстве судьей, разрешающим дело по существу. Поддержание данного режима доказывания является функцией принципа материальной истины, в силу которого судье в судебном разбирательстве принадлежит активная роль в исследовании доказательств. В связи с этим активный судья в судебном разбирательстве создает противовес лицу, устанавливающему обстоятельства уголовного дела в ходе расследования, тем самым, обеспечивая баланс системы уголовного процесса.

Сравнительно-правовой анализ показал, что, несмотря на первоначально кажущуюся общность понимания непосредственности, причины возникновения, формы проявления и функциональная роль непосредственности в англо-американском и континентальном типах уголовного процесса различаются. В то же время процессы интеграции, приведшие в конечном итоге к созданию в XX в. общеевропейского правового пространства, не могли не сказаться на реальном сближении подходов к пониманию непосредственности. В данном отношении в качестве объединяющего начала для двух правовых традиций стал вопрос обеспечения обвиняемому права на справедливое судебное разбирательство, которому посвящена ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 04.11.1950 (далее – Конвенция). При этом из перечисленных в ст. 6 Конвенции прав, конструирующих право обвиняемого на справедливое судебное разбирательство, наибольшее отношение к принципу непосредственности имеют вытекающие из п. 1 и подп. «d» п. 3 ст. 6 Конвенции права обвиняемого участвовать в разбирательстве его дела судом и допрашивать показывающих против него свидетелей или иметь право на то, чтобы эти свидетели были допрошены, и иметь право на вызов и допрос свидетелей в его пользу на тех же условиях, что и для свидетелей, показывающих против него.

Соответственно нельзя обойти стороной вопрос о том, какова практика Европейского суда по правам человека (далее – ЕСПЧ) по исследуемой проблематике.

Прямое упоминание принципа непосредственности содержится в решении ЕСПЧ от 09.07.2002 г. по делу *P.K. v. Finland* (№ 37442/97), в котором отмечено, что важным элементом справедливого уголовного судебного разбирательства является возможность обвиняемого провести очную ставку со свидетелем в присутствии судьи, который в конечном счете разрешает дело. Такой принцип непосредственности является важной гарантией в уголовном судопроизводстве, в силу которой наблюдения, сделанные судом относительно поведения и правдивости свидетеля, могут иметь важные последствия для обвиняемого. Поэтому обычно изменения состава суда после допроса в суде важного свидетеля должно приводить к повторному допросу этого свидетеля.

В указанном выше решении с учетом обстоятельств дела ЕСПЧ делает акцент на формальной непосредственности. Наглядными примерами дел, в которых выражена позиция ЕСПЧ по вопросам материальной непосредственности, являются постановления ЕСПЧ, вынесенные Большой Палатой, от 15.12.2011 г. по делу «Аль-Хавая и Тахири против Соединенного Королевства» [46] и от 15.12.2015 г. по делу «Шатшашвили против Германии» [47].

Данные дела, рассмотренные ЕСПЧ с временным промежутком ровно в 4 года, показательны в силу наличия одновременно следующих обстоятельств. Во-первых, в обоих делах был поднят вопрос об оглашении показаний отсутствующих свидетелей, но при этом в первом случае государством-ответчиком была Великобритания, уголовное судопроизводство которой лежит в основе англо-американского типа уголовного процесса, а во втором – Германия, чье уголовное судопроизводство – характерный пример уголовного процесса континентального типа. Во-вторых, в обоих случаях первоначально вынесенные ЕСПЧ решения были пересмотрены Большой Палатой, причем обстоятельства пересмотра были противоположными. По делу «Аль-Хавая и Тахири против Соединенного Королевства» решение ЕСПЧ от 20.01.2009 г., которым признавалось нарушение требований п. 1 ст. 6 Конвенции во взаимосвязи с подп. «d» п. 3 ст. 6 Конвенции в отношении обоих заявителей, по требованию государства-ответчика было частично изменено Большой Палатой: по делу заявителя Аль-Хавая было установлено, что требования ст. 6 Конвенции не нарушены. По делу «Шатшашвили против Германии», наоборот, ЕСПЧ изначально постановлением от 17.14.2014 г. установил отсутствие нарушения прав заявителя, предусмотренных п. 1 ст. 6 Конвенции во взаимосвязи с подп. «d» п. 3 ст. 6 Конвенции, а в результате пересмотра дела по требованию заявителя Большой Палатой нарушения указанных положений Конвенции были подтверждены.

Однако, в конечном счете, постановлением ЕСПЧ от 15.12.2011 г. по делу «Аль-Хавая и Тахири против Соединенного Королевства» выработан трехэтапный тест, позволяющий оценить, нарушено или нет право заявителя на справедливое судебное

разбирательство, в связи с использованием показаний, ранее данных свидетелями, которые не присутствовали в суде, а в постановлении от 15.12.2015 г. по делу «Шатшашвили против Германии» даны более подробные разъяснения, как указанный тест должен применяться. В рамках применения обозначенного теста на первом этапе подлежит выяснению вопрос, имелась ли уважительная причина для неявки свидетеля, на втором – были ли показания отсутствующего свидетеля единственным или решающим основанием для осуждения подсудимого, на третьем – имелись ли достаточные уравнивающие факторы, компенсирующие препятствия, с которыми сталкивалась сторона защиты. Как отметил ЕСПЧ в постановлении по делу «Шатшашвили против Германии», было бы целесообразно рассматривать три этапа теста Аль-Хавая в порядке, определенном в этом постановлении. Однако все три этапа взаимосвязаны и вместе должны установить, было ли справедливым уголовное разбирательство в целом. Таким образом, в данном деле могло быть допустимо рассмотрение этапов в другом порядке, в частности, если один из этапов имел особое значение для вопроса о справедливости или несправедливости разбирательства. При этом в постановлении ЕСПЧ по делу «Аль-Хавая и Тахири против Соединенного Королевства» Большая Палата, признавая ошибочность позиции нижней палаты и устанавливая, что законодательство Соединенного Королевства содержит эффективные гарантии, направленные на обеспечение справедливости, отметила, что правило «исключительности или решающей степени» не является абсолютным правилом и не может применяться негибким образом с игнорированием особенностей конкретной правовой системы. Соответственно ЕСПЧ констатировал невозможность формулирования абсолютно определенных критериев в вопросе установления допустимости оглашения показаний отсутствующих свидетелей.

Таким образом, примеры указанных дел в практике ЕСПЧ показывают всю сложность формирования единых правовых подходов в отношении государств с разными правовыми традициями, в том числе применительно к проблемам реализации принципа непосредственности.

Поэтому ниже следует рассмотреть, каким образом принцип непосредственности возник и развивался в отечественном уголовном процессе.

К середине XIX в. в России сформировался типичный инквизиционный процесс, основанный на следственном методе установления фактических обстоятельств дела, со всеми присущими тому в то время признаками. Я. Баршев, критикуя публичную и словесную форму производства, указывал, что началами отечественного уголовного судопроизводства являются письменность и публичность только посредством обнародования судебных актов [48, с. 66–69].

В результате судебной реформы 1864 г. российское уголовное судопроизводство было реформиро-

вано в значительной степени по французскому образцу: предварительное расследование, осуществляемое судебным следователем, строилось на принципах письменности и тайны следствия, тогда как судебное разбирательство, в котором судья, обязанный устанавливать истину, играл активную роль, основывалось на началах устности и гласности. В пореформенный период конца XIX – начала XX в. вопросы непосредственности и устности судебного разбирательства рассматривались в трудах всех выдающихся ученых-процессуалистов того периода, в том числе С.И. Викторского, Л.Е. Владимирова, М.В. Духовского, А.Ф. Кони, С.В. Познышева, Н.Н. Розина, В.К. Случевского, Д.Г. Тальберга, И.Я. Фойницкого. Практически все из них при этом четко разграничивали начала (принципы) непосредственности и устности, будучи знакомы с трудами немецких теоретиков процесса того времени, что прямо следует из работ, к примеру, Н.Н. Розина [49, с. 303] и В.К. Случевского [50, с. 53–54].

В советский период развития отечественного уголовного процесса значительный вклад в развитие учения о принципе непосредственности внесли, в частности, Т.Н. Добровольская, В.Я. Лившиц, М.С. Строгович, И.В. Тыричев. При этом акцент большинством советских процессуалистов делался на обязанности суда воспринимать доказательства из первоисточников, то есть на первое место была поставлена материальная, а не формальная непосредственность, как это было в уголовном процессе континентальных западноевропейских государств. У такого положения дел, как представляется, были следующие причины. Во-первых, философской основой советского права и теории доказательств в уголовном процессе выступал диалектический материализм, причем пропитанный коммунистической идеологией, что не могло не сказаться и на содержании принципа непосредственности. Во-вторых, фокусирование на требовании к суду воспринимать доказательства из первоисточников, а не на том, что доказательства должны быть представлены перед судьей, разрешающим дело по существу, оттеняло проблемы, с одной стороны, гипертрофированной публичности в деятельности суда и, с другой стороны, фактического нахождения центра тяжести процесса доказывания в досудебном производстве.

Однако корни этих проблем были не в процессуальной активности суда как таковой или в распространении на суд принципа всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств дела, закрепленного в ст. 20 УПК РСФСР, потому что, как было показано выше, и активность суда, и принцип материальной истины присущи уголовному процессу Германии, Франции и других стран, уголовный процесс которых, относясь к континентальному типу, обеспечивает эффективное решение стоящих перед уголовным судопроизводством задач, в том числе защиту прав участников процесса. Главная причина обозначенных проблем советского уголовного процесса кроется, думается, в нерешен-

ности вопроса обеспечения беспристрастности судьи в исследовании доказательств в судебном разбирательстве. При этом в условиях, когда судебная власть не была независимой в целом, поскольку, несмотря на формальное провозглашение независимости судей на конституционном уровне, согласно ст. 152 той же Конституции СССР 1977 г., судьи были ответственны перед избирателями и избравшими их органами и подотчетны им (а на практике партийным организациям), обеспечить беспристрастность и независимость судьи, разрешающего дело по существу, было невозможно.

В то же время содержащийся в УПК РСФСР 1960 г. принцип всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств дела в связке с принципом непосредственности выполнял функциональную роль обеспечения непосредственного исследования доказательств судом первой инстанции. Как показывает практика Верховного Суда РФ, имевшая место в период действия УПК РСФСР 1960 г., нарушение принципа непосредственности (ст.ст. 240, 435 УПК РСФСР), например, выразившееся в оглашении показаний потерпевших и свидетелей при невыполнении требований закона по обеспечению их явки в суд и выяснению причин их неявки, одновременно являлось нарушением принципа всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств дела (ст.ст. 20, 429 УПК РСФСР) [51–53].

В действующем УПК РФ 2001 г. непосредственность вместе с устностью закреплена в ст. 240 в качестве общего условия судебного разбирательства, но не в гл. 2 УПК РФ как принцип уголовного судопроизводства. Данный факт уже сам по себе ставит вопрос о том, придает ли законодатель непосредственности значение принципа уголовного процесса. Кроме того, при принятии УПК РФ 2001 г. из него был исключен принцип всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств дела, что привело к разбалансированию системы российского уголовного процесса и, как представляется, послужило одной из главных причин развития в нем упрощенных производств и квазипроизводств, которые сконструированы без ориентации на достижение материальной истины по уголовному делу.

Суть того, как в современной теории уголовного процесса России понимается непосредственность, наиболее полно, думается, отражает определение, даваемое Д.А. Мезиновым: «Под началом непосредственности понимается такое общее правило исследования доказательств в судебном разбирательстве, согласно которому суд, рассматривающий уголовное дело, обязан в судебном заседании лично ознакомиться с доказательствами, на основании которых он будет разрешать уголовное дело по существу, и воспринять содержащиеся в них сведения об исследуемых фактах непосредственно из первоисточников этих сведений» [54, с. 123]. При этом указанное определение в значительной степени опирается еще на советскую доктрину уголовного процесса. В то

же время в современных условиях сужения действия непосредственности в российском уголовном процессе необходимо дальнейшее развитие доктринального понимания непосредственного исследования судом доказательств.

Пути решения обозначенной выше проблемы, как представляется, необходимо определять с учетом следующего.

Во-первых, непосредственность исследования судом доказательств должна рассматриваться в качестве полноценного принципа уголовного процесса России. Именно таковым она считается в континентальном уголовном процессе, в русле которого исторически развивался отечественный уголовный процесс, хотя и был деформирован в советский период. В качестве такового его рассматривает, как отмечалось, практика ЕСПЧ, а также практика Верховного Суда РФ, согласно которой непосредственность исследования доказательств в суде является основополагающим принципом уголовного процесса [55], нарушение которого противоречит фундаментальным основам уголовного судопроизводства [56, 57] и является безусловным основанием отмены приговора [58]. Более того, с учетом изменений, внесенных в УПК РФ Федеральным законом от 02.03.2016 г. № 40-ФЗ, принцип непосредственности реализуется не только в судебном разбирательстве, но и согласно ч. 2.1 ст. 281 УПК РФ теперь определяет деятельность участников уголовного процесса на предыдущих стадиях производства по уголовному делу.

Во-вторых, при определении содержания принципа непосредственности в современном уголовном процессе России целесообразно использовать теоретические наработки европейских ученых-процессуалистов, в том числе выделение формальной и материальной непосредственности, и обязательно учитывать положения международно-правовых договоров, участником которых является Россия, а также практику ЕСПЧ. Соответственно в содержание принципа непосредственности необходимо включать не только соблюдение требования к суду, рассматривающему дело по существу, лично воспринимать доказательства, но и реализацию прав обвиняемого, связанных с участием в исследовании доказательств, в том числе прав, вытекающих из п. 1 и подп. «д» п. 3 ст. 6 Конвенции.

В-третьих, полноценная реализация принципа непосредственности в современном уголовном судопроизводстве России возможна только при возвращении в последнее принципа всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств дела (материальной истины). Данный принцип выполняет функцию обеспечения создаваемого принципом непосредственности процессуального режима доказывания, в котором центральным элементом является исследование доказательств в судебном разбирательстве судьей, разрешающим дело по существу. В условиях отсутствия в российском уголовном процессе, в основе которого лежит след-

ственный метод, принципа всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств дела неизбежно нахождение центра тяжести процесса доказывания в досудебном производстве. Можно спрогнозировать, что эта проблема будет лишь усугубляться при дальнейшем увеличении доли дел, рассматриваемых в особых порядках судебного разбирательства, предусмотренных главами 40, 40.1, а также ст. 226.9 УПК РФ, поскольку при неисследовании судом в ходе судебного разбирательства доказательств в общем порядке уголовное судопроизводство в целом строится на начале письменности, а значит, в нем повышается значение лица, осуществляющего предварительное расследование, при соответственном уменьшении роли судьи, разрешающего дело по существу. В этой связи следует поддержать развитие практики Верховного Суда РФ, в соответствии с которой в ходе проверочных производств проведение судебного следствия в суде первой инстанции оценивается с точки зрения принципов всесторонности, полноты и непосредственности [59–61].

В-четвертых, уголовный процесс России в целом должен быть построен по формуле «сильный в собирании доказательств следователь, активный и беспристрастный в исследовании доказательств судья». Следственный метод с неизбежностью предполагает активность лица, устанавливающего обстоятельства дела. В досудебном производстве это следователь (в данном случае в широком значении, поскольку вопросы форм, организационного построения предварительного расследования, его реформирования и взаимодействия лиц, осуществляющих предварительное расследование, с прокурором находятся за пределами темы статьи). С учетом специфики современной российской теории доказательств, исходя из которой собирание доказательств остается максимально формализованным [62, с. 426], что одновременно служит гарантией прав участников уголовного судопроизводства, задача обеспечения эффективности расследования обуславливает роль следователя как лица, которое устанавливает обстоятельства дела посредством собирания доказательств, а не простого обнаружения информации, имеющей доказательственное значение, что составляет функцию полиции. При этом активный судья, исследующий доказательства в судебном разбирательстве, выступает противовесом следователю, собирающему доказательства в ходе предварительного расследования. Однако обязательным элементом обозначенной формулы является беспристрастность судьи, которая должна обеспечиваться гарантиями его независимости. В условиях отсутствия беспристрастности судьи значительно повышается риск возникновения гипертрофированной публичности, примером чего является советский уголовный процесс. В то же время сведение функций следователя к чисто полицейским или пассивность судьи в ходе судебного разбирательства снижают эффективность уголовного процесса и

приводят, в конечном счете, к невозможности выполнения стоящих перед ним задач, в том числе по установлению материальной истины.

Ж.-М. Ламбер завершает эпизод с очной ставкой, о котором шла речь в начале статьи, фразой: «Неуловимая истина часто с удовольствием смеется над теми, кто пытается ее поймать...» [1, с. 121]. Несмотря на ироничность данного выражения, в нем тонко подмечена сложность установления истины в

уголовном процессе, о чем автор, имея опыт следственного судьи, мог со знанием дела писать. Опираясь на обозначенную цитату, в заключение нельзя не отметить, что изменения, происходящие в уголовном судопроизводстве, не должны приводить к возникновению необходимости отвечать на вопрос о том, что делает истина, если при расследовании, рассмотрении и разрешении уголовного дела ее и не собираются искать.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ламбер Ж.-М. Маленький судья. М., 1990. 352 с.
2. *Федеральный закон от 02.03.2016 г. № 40-ФЗ «О внесении изменений в ст. 281 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»* // Консультант Плюс (Электронный ресурс): Справочно-правовая система. Версия Проф, сетевая. электр. дан. (39 кб.). М.: АО Консультант плюс, 1992. Режим доступа: Компьютер. Сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та, свободный (дата обращения 30 ноября 2016 г.).
3. *Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 13.07.2016 г. № 67-АПУ16-14СП* // Консультант Плюс (Электронный ресурс): Справочно-правовая система. Версия Проф, сетевая. электр. дан. (39 кб.). М.: АО Консультант плюс, 1992. Режим доступа: Компьютер. Сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та, свободный (дата обращения 30 ноября 2016 г.).
4. *Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 11.08.2016 г. № 70-АПУ16-2* // Консультант Плюс (Электронный ресурс): Справочно-правовая система. Версия Проф, сетевая. электр. дан. (39 кб.). М.: АО Консультант плюс, 1992. Режим доступа: Компьютер. Сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та, свободный (дата обращения 30 ноября 2016 г.).
5. *Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 г. № 55 «О судебном приговоре»* // Консультант Плюс (Электронный ресурс): Справочно-правовая система. Версия Проф, сетевая. электр. дан. (39 кб.). М.: АО Консультант плюс, 1992. Режим доступа: Компьютер. Сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та, свободный (дата обращения 30 ноября 2016 г.).
6. Трубникова Т.В. Рассмотрение дела в отсутствие подсудимого (заочное производство) в системе упрощенных судебных уголовно-процессуальных производств РФ // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 305. С. 127–133.
7. Кайгородов А.А. Оглашение показаний подсудимого на судебном следствии // Правовые проблемы укрепления российской государственности. Сб. статей. Ч. 55 / под ред. М.К. Свиридова, Ю.К. Якимовича, О.И. Андреевой, И.В. Чадновой. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2012. С. 82–90.
8. Ходжаева Е., Скугаревский Д. Extra Jus: две флешки вместо одной // <http://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2016/11/24/666708-dve-fleshki-vместo/> [Электронный ресурс]. электр. дан. Режим доступа: Компьютер. Сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та, свободный (дата обращения 30 ноября 2016 г.).
9. *Федеральный закон от 03.07.2016 г. № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности»* // Консультант Плюс (Электронный ресурс): Справочно-правовая система. Версия Проф, сетевая. электр. дан. (39 кб.). М.: АО Консультант плюс, 1992. Режим доступа: Компьютер. Сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та, свободный (дата обращения 30 ноября 2016 г.).
10. Свиридов М.К. Непосредственность исследования доказательств в судебном разбирательстве // Правовые проблемы укрепления российской государственности. Сб. статей. Ч. 47 / под ред. С.А. Елисеева, В.А. Уткина. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2010. С. 175–176.
11. Склизов А.Н. Принцип непосредственности уголовного судопроизводства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2007. 22 с.
12. Vogler R. The Principle of Immediacy in English Criminal Procedural Law // Zeitschrift für die gesamte Strafrechtswissenschaft. May 2014. Vol. 126. Iss. 1. P. 239–247.
13. Davies M., Croall H., Tyrer J. Criminal Justice. An Introduction to the Criminal Justice System in England and Wales. Third Edition. 2005. 477 p.
14. Zander M. Cases and Materials on the English Legal System. Tenth Edition. Cambridge University Press, 2007. 861 p.
15. Warren M. Open Justice in the Technological Age // Monash University Law Review. 2013. Vol. 40. No. 1. P. 45–58.
16. Spigelman J.J. The Principle of Open Justice: A Comparative Perspective // UNSW Law Journal. 2006. Vol. 29 (2). P. 147–166.
17. Bosland J. and Gill J. The Principle of Open Justice and the Judicial Duty to Give Public Reason // Melbourne University Law Review. 2014. Vol. 38. P. 382–524.
18. Seigel L.J. Essentials of Criminal Justice. Seventh Edition. Wadsworth, 2011. 596 p.
19. Boggs D.J. The Right to a Fair Trial // University of Chicago Legal Forum. 1998. Iss. 1. P. 1–24.
20. Галишин Н.В. Англосаксонская модель производных доказательств (Hearsay) и возможности ее использования в российском уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. 237 с.
21. Spencer J.R. Hearsay Evidence in Criminal Proceedings. Oxford and Portland, Oregon: Hart Publishing, 2008. 341 p.
22. Esmein A. A History of Continental Criminal Procedure with Special Reference to France. Boston, 1913. 640 p.
23. Тогоева О.И. Поиски «правды» в средневековом уголовном суде // Право в средневековом мире: сб. ст. / под ред. И.И. Варьяш, Г.А. Поповой. М.: ИВИ РАН, 2008. С. 182–195.
24. Берман Г. Западная традиция права: эпоха формирования. 2-е изд. М., 1998. 624 с.

25. *Mousorakis G.* Roman Law and the Origins of the Civil Law Tradition. Springer, 2015. 328 p.
26. Мэддисон Э. Контуры мировой экономики в 1–2030 гг. Очерки по макроэкономической истории. М., 2012. 584 с.
27. *Donovan J.M.* Juries and the Transformation of Criminal Justice in France. The University of North Carolina Press, 2010. 262 p.
28. *Blumenthal J.A.* Shedding Some Light on Calls for Hearsay Reform: Civil Law Hearsay Rules in Historical and Modern Perspective // *Pace International Law Review*. Spring 2001. Vol. 13. Iss. 1. P. 93–116.
29. Волкова Е.Г. Парижский парламент – высший апелляционный суд средневековой Франции // *Вестник Московского университета*. Сер. 11. Право. 2015. № 2. С. 117–127.
30. *Stein P.* Roman Law in European History. Cambridge University Press, 2004. 137 p.
31. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 1. 1912. 567 с.
32. *Vormbaum T., Bohlander M.* (ed.) A Modern History of German Criminal Law. Springer, 2014. 304 p.
33. Тальберг Д.Г. Русское уголовное судопроизводство. Пособие к лекциям. Киев, 1880. 318 с.
34. Глазер Ю. Руководство по уголовному процессу. Т. 1: пер. с нем. А. Лихачева. СПб., 1884. 274 с.
35. *Summers S.J.* Fair Trials. The European Criminal Procedural Tradition and the European Court of Human Rights. Oxford and Portland, Oregon, 2007. 188 p.
36. *Langbein J.H.* The English Criminal Trial Jury on the Eve of the French Revolution // *The Trial Jury in England, France, Germany 1700–1900*. Berlin: Duncker & Humblot, 1987. P. 13–39.
37. *Mumtermaier K.Yu.A.* Законодательство и юридическая практика в новейшем их развитии, в отношении к уголовному судопроизводству. СПб., 1864. 580 с.
38. *Bohlander M.* Principles of German Criminal Procedure. Oxford and Portland, Oregon: Hart Publishing, 2012. 226 p.
39. Головенков П., Снуца Н. Уголовно-процессуальный кодекс Федеративной Республики Германия – *Strafprozessordnung (StPO)* – Научно-практический комментарий и перевод текста закона со вступительной статьёй профессора Уве Хеллмманна «Введение в уголовно-процессуальное право ФРГ». Universitätsverlag Potsdam, 2012. 404 с.
40. *Groenhuijsen M.S. and Selçuk H.* The Principle of Immediacy in Dutch Criminal Procedure in the Perspective of European Human Rights Law // *Zeitschrift für die gesamte Strafrechtswissenschaft*. May 2014. Vol. 126. Iss. 1. P. 248–276.
41. Бойкле В. Уголовно-процессуальное право ФРГ: учебник. 6-е изд., с доп. и изм.: пер. с нем. Я.М. Плоскиной / под ред. Л.В. Майоровой. Красноярск, 2004. 352 с.
42. Criminal Procedure Code of French Republic (as of 2006) (English version) // <http://www.legislationline.org/documents/section/criminal-codes/> [Электронный ресурс]. электр. дан. Режим доступа: Компьютер. Сеть Науч. 6-ки Том. гос. ун-та, свободный (дата обращения 30 ноября 2016 г.).
43. *Hodgson J.* French Criminal Justice. A Comparative Account of the Investigation and Prosecution of Crime in France. Oxford and Portland, Oregon: Hart Publishing, 2005. 281 p.
44. Головки Л.В. Теоретические основы модернизации учения о материальной истине в уголовном процессе // Библиотека криминалиста. 2012. № 4 (5). С. 65–87.
45. *P.K. v. FINLAND*, № 37442/97, ECtHR (Fourth Section), Decision (Final) of 09.07.2002 // <http://freecases.eu/Doc/CourtAct/4551022/12/> [Электронный ресурс]. электр. дан. Режим доступа: Компьютер. Сеть Науч. 6-ки Том. гос. ун-та, свободный (дата обращения 30 ноября 2016 г.).
46. Информация о Постановлении ЕСПЧ от 15.12.2011 г. по делу «Аль-Хавая и Тахири (Al-Khawaja and Tahery) против Соединенного Королевства» (жалоба № 26766/05 и 22228/06) // Консультант Плюс [Электронный ресурс]: Справочно-правовая система. Версия Проф, сетевая. электр. дан. (39 кб.). М.: АО Консультант плюс, 1992. Режим доступа: Компьютер. Сеть Науч. 6-ки Том. гос. ун-та, свободный (дата обращения 30 ноября 2016 г.).
47. Информация о Постановлении ЕСПЧ от 15.12.2015 г. по делу «Шатшашвили против Германии (Schatschaschwili v. Germany)» (жалоба № 9154/10) // Консультант Плюс [Электронный ресурс]: Справочно-правовая система. Версия Проф, сетевая. электр. дан. (39 кб.). М.: АО Консультант плюс, 1992. Режим доступа: Компьютер. Сеть Науч. 6-ки Том. гос. ун-та, свободный (дата обращения 30 ноября 2016 г.).
48. Баршев Я. Основания уголовного судопроизводства с применением к российскому уголовному судопроизводству. СПб., 1841. 297 с.
49. Розин Н.Н. Уголовное судопроизводство. 2-е изд., с изм. и доп. СПб., 1914. 547 с.
50. Случевский В.К. Учебник русского уголовного процесса. Судостроительство – судопроизводство. 4-е изд., доп. и испр. СПб., 1913. 670 с.
51. Определение Верховного Суда РФ от 15.01.1998 // Консультант Плюс [Электронный ресурс]: Справочно-правовая система. Версия Проф, сетевая. электр. дан. (39 кб.). М.: АО Консультант плюс, 1992. Режим доступа: Компьютер. Сеть Науч. 6-ки Том. гос. ун-та, свободный (дата обращения 30 ноября 2016 г.).
52. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 20.01.1999 г. № 30п99пр // Консультант Плюс [Электронный ресурс]: Справочно-правовая система. Версия Проф, сетевая. электр. дан. (39 кб.). М.: АО Консультант плюс, 1992. Режим доступа: Компьютер. Сеть Науч. 6-ки Том. гос. ун-та, свободный (дата обращения 30 ноября 2016 г.).
53. Определение Верховного Суда РФ от 11.04.2001 г. по делу № 16-о00-95 // Консультант Плюс [Электронный ресурс]: Справочно-правовая система. Версия Проф, сетевая. электр. дан. (39 кб.). М.: АО Консультант плюс, 1992. Режим доступа: Компьютер. Сеть Науч. 6-ки Том. гос. ун-та, свободный (дата обращения 30 ноября 2016 г.).
54. Мезинов Д.А. Непосредственность судебного разбирательства в уголовном судопроизводстве: понятие, значение, тенденции реализации в современной судебной практике // *Вестник Томского государственного университета*. 2008. № 309. С. 123–126.
55. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 25.10.2006 г. № 81-О06-61 // Консультант Плюс [Электронный ресурс]: Справочно-правовая система. Версия Проф, сетевая. электр. дан. (39 кб.). М.: АО Консультант плюс, 1992. Режим доступа: Компьютер. Сеть Науч. 6-ки Том. гос. ун-та, свободный (дата обращения 30 ноября 2016 г.).

56. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 11.03.2014 г. № 47-АПУ14-6 // Консультант Плюс [Электронный ресурс]: Справочно-правовая система. Версия Проф, сетевая. электр. дан. (39 кб.). М.: АО Консультант плюс, 1992. Режим доступа: Компьютер. Сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та, свободный (дата обращения 30 ноября 2016 г.).
57. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 24.04.2014 г. № 205-АПУ14-2 // Консультант Плюс [Электронный ресурс]: Справочно-правовая система. Версия Проф, сетевая. электр. дан. (39 кб.). М.: АО Консультант плюс, 1992. Режим доступа: Компьютер. Сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та, свободный (дата обращения 30 ноября 2016 г.).
58. Определение Верховного Суда РФ от 13.03.2013 г. № 18-Д12-119 // Консультант Плюс [Электронный ресурс]: Справочно-правовая система. Версия Проф, сетевая. электр. дан. (39 кб.). М.: АО Консультант плюс, 1992. Режим доступа: Компьютер. Сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та, свободный (дата обращения 30 ноября 2016 г.).
59. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 16.12.2015 г. № 72-АПУ15-49 // Консультант Плюс [Электронный ресурс]: Справочно-правовая система. Версия Проф, сетевая. электр. дан. (39 кб.). М.: АО Консультант плюс, 1992. Режим доступа: Компьютер. Сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та, свободный (дата обращения 30 ноября 2016 г.).
60. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 19.01.2016 г. № 67-АПУ15-42 // Консультант Плюс [Электронный ресурс]: Справочно-правовая система. Версия Проф, сетевая. электр. дан. (39 кб.). М.: АО Консультант плюс, 1992. Режим доступа: Компьютер. Сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та, свободный (дата обращения 30 ноября 2016 г.).
61. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 05.04.2016 г. № 67-АПУ16-3 // Консультант Плюс [Электронный ресурс]: Справочно-правовая система. Версия Проф, сетевая. электр. дан. (39 кб.). М.: АО Консультант плюс, 1992. Режим доступа: Компьютер. Сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та, свободный (дата обращения 30 ноября 2016 г.).
62. Курс уголовного процесса / под ред. д.ю.н., проф. Л.В. Головкин. М., 2016. 1278 с.

INCONSISTENT TRUTH OR THE PROBLEMS OF IMPLEMENTATION OF THE IMMEDIACY PRINCIPLE IN THE RUSSIAN CRIMINAL PROCESS IN THE COMPARATIVE CONTEXT

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2016, 2(8), 36–54. DOI 10.17223/23088451/8/7

Aleksandr A. Mikhaylov, Novosibirsk State Agrarian University (Novosibirsk, Russian Federation).

E-mail: maa1505@sibmail.com

Keywords: principle of immediacy, oral nature, disclosure of evidence, right to a fair trial, real of substantive truth.

The paper deals with the problem of reduced space for the principle of immediacy in the Russian criminal process. According to the author, one of the main reasons for this problem is the imbalanced system of principles in the modern Russian criminal justice. The analysis of the origin and specificity of the immediacy principle in the Anglo-American and continental criminal proceedings shows that immediacy is an integral part of the Anglo-American concept of litigation, yet it is not a separate, clearly formulated principle: it is “dissolved” in the judicial procedure characterised by adversariality, oral nature, openness and specificity of applied evidentiary rules. In the continental criminal process, which is based on the investigative method of establishing the circumstances of the case, the immediacy principle provides a procedural regime of proof, in which the central element is the examination of evidence in the trial by the judge who decides the case ad rem. The maintenance of this regime of proof is a function of the principle of substantive truth, due to which the judge in the trial has an active role in the study of evidence. In this regard, an active judge in the court proceedings creates a counterbalance to the person who establishes the circumstances of the criminal case during the investigation, thereby ensuring the balance of the criminal process system. In the author's opinion, the full implementation of the immediacy principle in modern Russian criminal justice is possible only when the principles of thoroughness, completeness and objectivity of investigating the circumstances of the criminal case (substantive truth) are returned to the latter. On the whole, the construction of the criminal process in Russia, taking into account the investigative method, must be carried out in accordance with the formula “an investigator, strong in collecting evidence, a judge, active and impartial in investigating evidence.”

REFERENCES

1. Lambert, J.-M. (1990) *Malen'kiy sud'ya* [A Little Judge]. Translated from French. Moscow: Progress.
2. Russian Federation. (n.d.) *Federal'nyy zakon ot 02.03.2016 № 40-FZ “O vnesenii izmeneniy v st. 281 Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii”* [Federal Law No. 40-FZ of March 2, 2016, “On Amendments to Art. 281 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation”]. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_194689/. (Accessed: 30th November 2016).
3. The Supreme Court of the Russian Federation. (2016) *Apellyatsionnoe opredelenie Verkhovnogo Suda RF ot 13.07.2016 № 67-APU16-14SP* [Appeal Definition № 67-APU16-14SP of the Supreme Court of the Russian Federation of July 13, 2016]. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB;n=467818>. (Accessed: 30th November 2016).
4. The Supreme Court of the Russian Federation. (2016) *Apellyatsionnoe opredelenie Verkhovnogo Suda RF ot 11.08.2016 № 70-APU16-2* [Appeal Definition № 70-APU16-2 of the Supreme Court of the Russian Federation of August 11, 2016]. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB;n=472181#0>. (Accessed: 30th November 2016).
5. The Supreme Court of the Russian Federation. (2016) *Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 29.11.2016 № 55 “O sudebnom prigovore”* [Resolution No. 55 of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of November 29, 2016, “On the judicial sentence”]. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_207874/. (Accessed: 30th November 2016).
6. Trubnikova, T.V. (2008) *Rassmotrenie dela v otsutstvie podsudimogo (zaachnoe proizvodstvo) v sisteme uproschennykh sudebnykh ugolovno-protsessual'nykh proizvodstv RF* [Examination of the case in the absence of the defendant (extramural proceedings) in the system of simplified criminal proceedings of the Russian Federation]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 305. pp. 127–133.

7. Kaygorodov, A.A. (2012) Oglashenie pokazaniy podsudimogo na sudebnom sledstvii [Disclosure of the defendant's evidence at the judicial investigation]. In: Sviridov, M.K., Yakimovich, Yu.K., Andreeva, O.I. & Chadnova, I.V. (eds) *Pravovye problemy ukrepleniya rossiyskoy gosudarstvennosti* [Legal problems of strengthening Russian statehood]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 82–90.
8. Khodzaeva, E. & Skugarevskiy, D. (2016) *Extra Jus: dve fleshki vmesto odnoy* [Extra Jus: two flash drives instead of one]. [Online] Available from: <http://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2016/11/24/666708-dve-fleshki-vmesto/>. (Accessed: 30th November 2016).
9. Russian Federation. (2016) *Federal'nyy zakon ot 03.07.2016 № 323-FZ "O vnesenii izmeneniy v Ugolovnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii i Ugolovno-protsessual'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii po voprosam sovershenstvovaniya osnovaniy i poryadka osvobozhdeniya ot ugolovnoy otvetstvennosti"* [Federal Law No. 323-FZ of July 3, 2016, "On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation on Improving the Foundation and Order of Exemption from Criminal Responsibility"]. [Online] Available from: . (Accessed: 30th November 2016).
10. Sviridov, M.K. (2010) Neposredstvennost' issledovaniya dokazatel'stv v sudebnom razbiratel'stve [Immediate investigation of evidence in court proceedings]. In: Eliseev, S.A. & Utkin, V.A. (eds) *Pravovye problemy ukrepleniya rossiyskoy gosudarstvennosti* [Legal problems of strengthening Russian statehood]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 175–176.
11. Sklizkov, A.N. (2007) *Printsip neposredstvennosti ugolovnogo sudoproizvodstva* [The principle of immediacy of criminal proceedings]. Abstract of Law Cand. Diss. Vladivostok, 2007. 22 s.
12. Vogler, R. (2014) The principle of immediacy in English Criminal Procedural Law. *Zeitschrift für die gesamte Strafrechtswissenschaft*. 126(1). pp. 239–247.
13. Davies, M., Croall, H. & Tyrer, J. (2005) *Criminal Justice. An Introduction to the Criminal Justice System in England and Wales*. 3rd ed.
14. Zander, M. (2013) *Cases and Materials on the English Legal System*. 10th ed. Cambridge University Press.
15. Warren, M. (2013) Open Justice in the Technological Age. *Monash University Law Review*. 40(1). pp. 45–58.
16. Spigelman, J.J. (2006) The Principle of Open Justice: A Comparative Perspective. *UNSW Law Journal*. 29(2). pp. 147–166.
17. Bosland, J. & Gill, J. (2014) The Principle of Open Justice and the Judicial Duty to Give Public Reason. *Melbourne University Law Review*. 38. pp. 382–524.
18. Seigel, L.J. (2011) *Essentials of Criminal Justice*. 7th ed. Wadsworth.
19. Boggs, D.J. (1998) The Right to a Fair Trial. *University of Chicago Legal Forum*. 1. pp. 1–24.
20. Galyashin, N.V. (2016) *Anglosaksonskaya model' proizvodnykh dokazatel'stv (Hearsay) i vozmozhnosti ee ispol'zovaniya v rossiyskom ugolovnom sudoproizvodstve* [The Anglo-Saxon model of derived evidence (Hearsay) and the possibility of its use in Russian criminal proceedings]. Law Cand. Diss. Moscow.
21. Spencer, J.R. (2008) *Hearsay Evidence in Criminal Proceedings*. Oxford and Portland, Oregon: Hart Publishing.
22. Esmein, A. (1913) *A History of Continental Criminal Procedure with Special Reference to France*. Boston: Boston, Little, Brown, and company.
23. Togoeva, O.I. (2008) Poiski "pravdy" v srednevekovom ugolovnom sude [The search for "truth" in a medieval criminal court]. In: Varyash, I.I. & Popova, G.A. (eds) *Pravo v srednevekovom mire* [Law in the medieval world]. Moscow: RAS. pp. 182–195.
24. Berman, G. (1998) *Zapadnaya traditsiya prava: epokha formirovaniya* [Western tradition of law: The era of formation]. 2nd ed. Translated from English by N. Nikonova, N. Deev. Moscow: Norma.
25. Mousorakis, G. (2015) *Roman Law and the Origins of the Civil Law Tradition*. Springer. DOI: 10.1007/978-3-319-12268-7.
26. Maddison, E. (2012) *Kontury mirovoy ekonomiki v 1-2030 gg. Ocherki po makroekonomicheskoy istorii* [Contours of the World Economy, 1-2030AD: Essays in Marco-Economic History]. Translated from English by Yu. Kapturevsky. Moscow: The Gaidar Institute.
27. Donovan, J.M. (2010) *Juries and the Transformation of Criminal Justice in France*. The University of North Carolina Press.
28. Blumenthal, J.A. (2001) Shedding Some Light on Calls for Hearsay Reform: Civil Law Hearsay Rules in Historical and Modern Perspective. *Pace International Law Review*. 13(1). pp. 93–116.
29. Volkova, E.G. (2015) Parizhskiy parlament – vysshiy apellyatsionnyy sud srednevekovoy Frantsii [The Paris Parliament as the highest appellate court of medieval France]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya II. Pravo – MSU Bulletin. Series II. Law*. 2. pp. 117–127.
30. Stein, P. (2004) *Roman Law in European History*. Cambridge University Press.
31. Foyntskiy, I.Ya. (1912) *Kurs ugolovnogo sudoproizvodstva* [Criminal Justice]. Vol. 1. St. Petersburg: Obshchestvennaya pol'za.
32. Vormbaum, T. & Bohlander, M. (eds) *A Modern History of German Criminal Law*. Springer.
33. Talberg, D.G. (1880) *Russkoe ugolovnoe sudoproizvodstvo* [Russian Criminal Proceedings]. Kyiv: [s.n.].
34. Glazer, Yu. (1884) *Rukovodstvo po ugolovnomu protsessu* [Criminal Procedure Guidance]. Vol.1. Translated from German by A. Likhachev. St. Petersburg: [s.n.].
35. Summers, S.J. (2007) *Fair Trials. The European Criminal Procedural Tradition and the European Court of Human Rights*. Oxford and Portland, Oregon: Hart Publishing.
36. Langbein, J.H. (1987) The English Criminal Trial Jury on the Eve of the French Revolution. In: Schioppa, A. (ed.) *The Trial Jury in England, France, Germany 1700-1900*. Berlin: Duncker & Humblot. pp. 13–39.
37. Mittermayer, K.Yu.A. (1864) *Zakonodatel'stvo i yuridicheskaya praktika v noveyshem ikh razvitiy, v otnoshenii k ugolovnomu sudoproizvodstvu* [Legislation and legal practice in their newest development, in relation to criminal proceedings]. St. Petersburg.
38. Bohlander, M. (2012) *Principles of German Criminal Procedure*. Oxford and Portland, Oregon: Hart Publishing.

39. Golovnenkov, P. & Spitsa, N. (2012) *Ugolovno-protsessual'nyy kodeks Federativnoy Respubliki Germaniya – Strafprozessordnung (StPO) – Nauchno-prakticheskiy kommentariy i perevod teksta zakona so vstupitel'noy stat'ey professora Uve Khell'manna "Vvedenie v ugolovno-protsessual'noe pravo FRG"* [Criminal Procedure Code of the Federal Republic of Germany – Strafprozessordnung (StPO) – Scientific and practical commentary and translation of the text of the law with an introductory article by Professor Uwe Hellmann "Introduction to the Criminal Procedural Law of the Federal Republic of Germany"]. Potsdam: Universitätsverlag.
40. Groenhuijsen, M.S. & Selçuk, H. (2014) The Principle of Immediacy in Dutch Criminal Procedure in the Perspective of European Human Rights Law. *Zeitschrift für die gesamte Strafrechtswissenschaft*. 126(1). pp. 248–276.
41. Boykle, V. (2004) *Ugolovno-protsessual'noe pravo FRG* [Criminal Procedure Law of the Federal Republic of Germany]. 6th ed. Translated from German by Ya.M. Ploshkina. Krasnoyarsk: RUMTs YuO.
42. France. (n.d.) *Criminal Procedure Code of French Republic (as of 2006) (English version)*. [Online] Available from: <http://www.legislationline.org/documents/section/criminal-codes/>. (Accessed: 30th November 2016).
43. Hodgson, J. (2005) *French Criminal Justice. A Comparative Account of the Investigation and Prosecution of Crime in France*. Oxford and Portland, Oregon: Hart Publishing.
44. Golovko, L.V. (2012) The theoretical grounds for modernization of the doctrine of substantive truth in criminal process. *Biblioteka kriminalista. Nauchnyy zhurnal – Criminalist's Library Scientific Journal*. 4. pp. 65–87. (In Russian).
45. EU. (2002) *P.K. v. FINLAND, № 37442/97, ECtHR (Fourth Section), Decision (Final) of 09.07.2002*. [Online] Available from: <http://freecases.eu/Doc/CourtAct/4551022/12/>. (Accessed: 30th November 2016).
46. ECHR. (2011) *Informatsiya o Postanovlenii ESPCh ot 15.12.2011 po delu "Al'-Khavayya i Takhiri (Al-Khawaja and Tahery) protiv Soedinennogo Korolevstva" (zhaloba № 26766/05 i 22228/06)* [Information on the ECHR Decision of December 15, 2011, in the case of Al-Khawaja and Tahery v. The United Kingdom (Complaints No. 26766/05 and 22228/06)]. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB;n=277784#0>. (Accessed: 30th November 2016).
47. ECHR. (2015) *Informatsiya o Postanovlenii ESPCh ot 15.12.2015 po delu Shatshashvili protiv Germanii (Schatschaschwili v. Germany) (zhaloba № 9154/10)* [Information on the ECHR Decree of December 15, 2015 in the case of Shatschaschwili v. Germany (Complaint No. 9154/10)]. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB;n=461939#0>. (Accessed: 30th November 2016).
48. Barshev, Ya. (1841) *Osnovaniya ugolovnogo sudoproizvodstva s primeneniem k rossiyskomu ugolovnomu sudoproizvodstvu* [Grounds for criminal proceedings with application to Russian criminal proceedings]. St. Petersburg: [s.n.].
49. Rozin, N.N. (1914) *Ugolovnoe sudoproizvodstvo* [Criminal proceedings]. 2nd ed. St. Petersburg: Pravo.
50. Sluchevskiy, V.K. (1913) *Uchebnik russkogo ugolovnogo protsessa. Sudoustroystvo – sudoproizvodstvo* [Russian criminal process. Courts – legal proceedings]. 4th ed. St. Petersburg: M.M. Stasyulevich.
51. The Supreme Court of the Russian Federation. (1998) *Opreделение Verkhovnogo Suda RF ot 15.01.1998* [Definition of the Supreme Court of the Russian Federation of January 15, 1998]. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB;n=35854#0>. (Accessed: 30th November 2016).
52. The Supreme Court of the Russian Federation. (1999) *Postanovlenie Prezidiuma Verkhovnogo Suda RF ot 20.01.1999 № 30p99pr* [Decision № 30p99pr of the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation of January 20, 1999]. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB;n=79429#0>. (Accessed: 30th November 2016).
53. The Supreme Court of the Russian Federation. (2001) *Opreделение Verkhovnogo Suda RF ot 11.04.2001 po delu № 16-o00-95* [The definition of the Supreme Court of the Russian Federation of April 11, 2001, in case No. 16-o00-95]. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB;n=15931#0>. (Accessed: 30th November 2016).
54. Mezinov, D.A. (2008) Neposredstvennost' sudebnogo razbiratel'stva v ugolovnom sudoproizvodstve: ponyatie, znachenie, tendentsii realizatsii v sovremennoy sudebnoy praktike [The immediacy of the trial in criminal proceedings: The concept, meaning, trends of implementation in modern judicial practice]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 309. pp. 123–126.
55. The Supreme Court of the Russian Federation. (2006) *Kassatsionnoe opredelenie Verkhovnogo Suda RF ot 25.10.2006 № 81-O06-61* [Cassation determination № 81-O06-61 of the Supreme Court of the Russian Federation of October 25, 2006]. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB;n=248979#0>. (Accessed: 30th November 2016).
56. The Supreme Court of the Russian Federation. (2006) *Apellyatsionnoe opredelenie Verkhovnogo Suda RF ot 11.03.2014 № 47-APU14-6* [Appeal definition № 47-APU14-6 of the Supreme Court of the Russian Federation from March 11, 2014]. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB;n=389362#0>. (Accessed: 30th November 2016).
57. The Supreme Court of the Russian Federation. (2014) *Apellyatsionnoe opredelenie Verkhovnogo Suda RF ot 24.04.2014 № 205-APU14-2* [Appeal definition № 205-APU14-2 of the Supreme Court of the Russian Federation of April 24, 2014]. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB;n=394005>. (Accessed: 30th November 2016).
58. The Supreme Court of the Russian Federation. (2013) *Opreделение Verkhovnogo Suda RF ot 13.03.2013 № 18-D12-119* [Definition № 18-D12-119 of the Supreme Court of the Russian Federation from March 13, 2013]. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB;n=327747#0>. (Accessed: 30th November 2016).
59. The Supreme Court of the Russian Federation. (2015) *Apellyatsionnoe opredelenie Verkhovnogo Suda RF ot 16.12.2015 № 72-APU15-49* [Appeal definition № 72-APU15-49 of the Supreme Court of the Russian Federation of December 16, 2015]. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB;n=452105#0>. (Accessed: 30th November 2016).

-
60. The Supreme Court of the Russian Federation. (2016) *Apellyatsionnoe opredelenie Verkhovnogo Suda RF ot 19.01.2016 № 67-APU15-42* [Appeal definition № 67-APU15-42 of the Supreme Court of the Russian Federation of January 19, 2016]. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB;n=452697#0>. (Accessed: 30th November 2016).
 61. The Supreme Court of the Russian Federation. (2016) *Apellyatsionnoe opredelenie Verkhovnogo Suda RF ot 05.04.2016 № 67-APU16-3* [Appeal definition № 67-APU16-3 of the Supreme Court of the Russian Federation of April 5, 2016]. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB;n=463147#0>. (Accessed: 30th November 2016).
 62. Golovko, L.V. (ed.) (2016) *Kurs ugovnogo protsessa* [Criminal process]. Moscow: Statut.